

В растительном мире происходит нечто иное, возможно, нечто, что следовало бы назвать искусством.

Донна ХАРАУЭЙ. «Оставаясь со смутой»¹

Необходимость оперировать различными режимами видимости и видения как в теоретическом поле, так и в жизненной практике играет важную роль в экологических отношениях. Это подводит нас к вопросу об экологиях внимания, концептуализировать которые можно и как техники фокусировки социализированного человеческого взгляда, и как зоны интенсивности нечеловеческого восприятия. Четкое видение и стремление к полной видимости не всегда оказываются дефолтным или желанным модусом восприятия: скажем, наше внимание может быть захвачено алгоритмическим режимом зрелища при погружении в технологические среды, а внимание животных работает избирательно, в соответствии с их «срезом окружающего мира», или умвельтом². Взаимодействие с растительным миром тоже предлагает нам богатый материал для размышлений о техниках и способах видения, и этот сюжет в последнее время часто вдохновляет художественные, теоретические и полидисциплинарные проекты. Если прежде заросли растений, поля и леса часто выступали в качестве «задника» – пейзажа, на фоне которого прокладывались дороги, разворачивалось то или иное событие социальной жизни или раскрывался центральный сюжет живописного полотна, – то сегодня, остро ощущая свою вовлеченность в экологические отношения, мы критически относимся к этой склонности воспринимать нечеловеческое (растения, технику и так далее) как фон. Как нащупать способы изменить это восприятие?

Задаваясь этим вопросом, следует рассматривать восприятие и познание видимого (а также восприятие и познание в целом)

- 1 ХАРАУЭЙ Д. *Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Hyle Press, 2020. С. 161.
- 2 Вспомним исследования зрения лягушки, предпринятые Джеромом Леттвиным, Умберто Матураной, а также их коллегами и давшие импульс тем интуициям, которые Матурана впоследствии развил в рамках теории аутопоззиса; техники видения лягушки включают в себя определенную меру абстрагирования, и весьма значительные физиологические способности ее глаза к восприятию используются избирательно – в тех случаях, когда в поле зрения появляется движущийся темный объект небольшого размера, занимающий лишь малую часть поля зрения (подробнее см.: LETTVIN J.Y., MATURANA H.R., MCCULLOCH W.S., PITTS W.H. *What the Frog's Eye Tells the Frog's Brain* // *Proceedings of the Institute of Radio Engineers*. 1959. Vol. 47. № 11. P. 1940–1951).

Александра Владимировна Володина (р. 1988) – философ, преподаватель, научный сотрудник сектора эстетики Института философии РАН.

как процессы, возникающие только во взаимодействии человека со средой. В когнитивных науках этот подход получает свое обоснование в теории воплощенного познания, согласно которой материальность тела и его взаимодействия с окружающей средой не только обуславливают, но и конституируют познание. Лишь в окружающей среде и благодаря ей формируются навыки сонастройки среде – с пронизывающими ее отношениями, населяющими ее людьми и другими существами. В данном случае компоненты среды выступают не в качестве совокупности разнородных элементов, а как многослойное материально-семиотическое поле – поле сил, отношений, ограничений и возможностей. В одном из своих текстов антрополог Тим Ингольд формулирует близкий по духу тезис: чтобы вещи и существа могли взаимодействовать, «они должны быть погружены в своего рода силовое поле, создаваемое потоками окружающей их материальной среды»³.

Если прежде заросли растений, поля и леса часто выступали в качестве «задника», то сегодня, остро ощущая свою вовлеченность в экологические отношения, мы критически относимся к этой склонности воспринимать нечеловеческое как фон.

Стремление к (со)настройке со средой предполагает разную меру управления вниманием, более того – саму возможность задаваться вопросами о его мерах и режимах. Представляется, что именно с этим – как с возможностью исследовать другие, еще не освоенные, не закодированные и не размеченные способы внимания и восприятия – во многом связан сегодняшний интерес к процессам растительной жизни, биосемиотическим контекстам и формам сосуществования с растениями⁴. Темпоральность практик растительной жизни привлекает биологов, экологов, философов, антропологов, художников и прочих своей инаковостью: медленный, едва заметный растительный ритм обладает, что важно, способностью перспективно разворачиваться, о чем свидетельствуют исследования коммуникации растений, а также их предсказывающей активности. Биологи и биосемиотики в своих исследованиях обнаруживают, что растения могут не только системно реагировать на

3 См.: INGOLD T. *When ANT Meets SPIDER: Social Theory for Arthropods* // KNAPPETT C., MALAFOURIS L. (Eds.). *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach*. New York: Springer, 2008. P. 213.

4 К примеру, в 2021 году состоялись не менее семи международных конференций, посвященных *plant studies*, и вышло в свет множество тематических научных публикаций. В арт-сфере в последние годы тоже можно обнаружить похожий всплеск интереса к этой теме.

неблагоприятные изменения среды, но и вступать в своего рода общение друг с другом, с помощью летучих органических соединений сигнализируя об опасности (при отсутствии очевидной выгоды для самого сигнализирующего растения)⁵. Но интересно, что, помимо системного реагирования, растения обладают способностью и к предсказывающей активности. Конечно, она отличается от соответствующих способностей человеческого сознания, которое создает максимально достоверные модели мира, позволяющие предсказывать будущее и минимизировать ошибки и излишние затраты ресурсов организма. Однако схожий механизм обнаруживается и в растительных организмах, где посредством электрохимических процессов передается исходящая (предсказывающая) информация и корректирующая ее входящая информация от среды, и оба эти процесса совершенствуют предсказательную способность и восприятие. Какие-либо репрезентирующие модели здесь, по всей видимости, отсутствуют: ползучее растение не обладает визуальным или иным образом скалы, по которой оно движется, его действия суть процесс и результат пластичной и настраиваемой сборки тела и среды:

«Их способность ориентироваться в незнакомых пространствах, таким образом, может зависеть от каскада предсказаний, предугадывающих входящие сигналы. [...] Предсказывающее поведение чрезвычайно важно для успешной адаптации и для того, чтобы избежать неожиданностей»⁶.

Растение в этом отношении функционирует как своего рода генеративная модель, которая распознает предоставляемые средой возможности и отвечает на них, в свою очередь принося в среду изменения. В самом деле, растения, пожалуй, и не могли бы позволить себе жить иначе: ошибки дорого им обходятся, ведь рост необратим, поэтому каждое действие совершается в процессе нахождения баланса со средой.

Растительная жизнь, таким образом, предполагает особые практики внимания – замедленного и допускающего неполноту восприятия. Росток дерева медленно и избирательно воспринимает среду, к которой адаптируется, и готов быть захваченным более быстрыми ситуативными процессами, вызванными стихией, животным или человеком. Такого рода внимание, с одной стороны, указывает на то, что активность отдельного растительного организма по преобразованию среды очень ограничена, а с другой, – свидетельствует о его способ-

5 См., например: HEIL M., KARBAN R. *Explaining Evolution of Plant Communication by Airborne Signals* // Trends in Ecology and Evolution. 2010. Vol. 25. № 3. P. 137–144.

6 См.: CALVO P., FRISTON K. *Predicting Green: Really Radical (Plant) Predictive Processing* // Journal of the Royal Society Interface. 2017. Vol. 14. № 131 (<https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsif.2017.0096>).

ности к устойчивости и «тихому» сопротивлению, экономящему силы. Внимание растения, не пристальное, но в то же время и не пассивное, приглашает нас к экспериментам с режимами внимания; эти эксперименты могут обретать форму теоретических и художественных исследований. Список художников, работающих с растениями в этом ключе, мог бы занять не одну страницу – от проектов Агнес Мейер-Брандис, Селесты Бурсье-Мужено и Ольги Киселевой до идей, возникших на российском материале: «Лесная газета» и другие проекты Ильи Долгова или выставка-исследование «Природа в городе. Нечеловеческие гетеротопии» (2021) под кураторством Дарьи Болдыревой⁷. Кроме того, растительная жизнь, пожалуй, способна воодушевить на выработку тактик сопротивления – к примеру, пробуждая в памяти мощный культурный образ партизанской борьбы, которая разворачивается под укрытием леса, в сообщничестве с растительными зарослями, которые придают ей характер мерцающей (не)видимости⁸.

Растение функционирует как своего рода генеративная модель, которая распознает предоставляемые средой возможности и отвечает на них, привнося в среду изменения. Растения и не могли бы жить иначе: ведь рост необратим, поэтому каждое действие совершается в процессе нахождения баланса со средой.

В какой момент растения становятся видимыми или невидимыми для нас? В какой момент мы замечаем растительные среды (скажем, лес или заросли кустарника) и в какой мере присутствующий участвует в разворачивании зарослей как среды? Здесь стоило бы остановиться на феномене «растительной слепоты» (*plant blindness*). Этот термин был предложен Джеймсом Вандерзее и Элизабет Шусслер для характеристики человеческой неспособности замечать растения вокруг себя и осознавать их значимость – по причине недостатка знаний об их биологической ценности и специфике, в силу их визуальной однородности, их безопасности и малоподвижности⁹.

7 См.: MEYER-BRANDIS A. *One Tree ID – How to Become a Tree for Another Tree* (www.blubbblubb.net/OneTreeID/index.html); BOURSIER-MOUGENOT C. *Révolutions* (<https://varenne.art/exhibitions/23-celeste-boursier-mougenot-revolutions-french-pavilion-at-the-56th-venice-biennale-mona-exceptional/>); KISSELEVA O. *EDEN – Ethical Durable Ecology Nature* (www.kisseleva.org/); Долгов И. *Лесная газета* (<http://forestjournal.org/>); проект «Природа в городе. Нечеловеческие гетеротопии» (<https://readymag.com/nonhuman/nonhuman/>).

8 О растительном сопротивлении см., например: ТИМОФЕЕВА О. *Родина*. М.: Сигма, 2020. С. 54–55.

9 WANDERSEE J.H., SCHUSSLER E.E. *Preventing Plant Blindness* // *The American Biology Teacher*. 1999. Vol. 61. № 2. P. 85.

Проезжая на поезде по равнине, мы не вглядываемся в отдельные деревья за окном, в кажущийся однородным «плантшафт» (*plantscape*). Несмотря на то, что в некоторых культурах отношения между людьми и растениями обладали и продолжают обладать большой значимостью, стоит предположить, что человек склонен быстрее воспринимать и более чутко реагировать на животных, а не на «зеленый фон» вокруг. Лес кажется нам гомогенным, он подобен фоновому шуму. Отсылая к гегелевской «Энциклопедии философских наук», философ Майкл Мардер замечает, что в силу «линейности растительного роста и конститутивной неспособности растений к самообращению [*failure to return to itself*]¹⁰ кажется, будто они лишены души – внутреннего. У растения нет внутренней дистанции как способности посмотреть на себя со стороны (доступной, вероятно, только человеческому сознанию), однако мы понимаем, что если взглянуть на лес изнутри, оказавшись в нем и наблюдая за его изменениями, то дистанция неизбежно проявится. Лес как неструктурированное целое растений, а также теней, укрытий и пустот между ними, несомненно, больше, чем просто совокупность растительных организмов; он полон внутренних взаимосвязей и отношений, и, очутившись в лесу, мы ощущаем их присутствие, хотя и не способны их распознать и представить себе во всей полноте. Находясь в лесу, трудно его «развернуть» и картографировать, описать объективно, через пристальное внимание, но можно отдать предпочтение избирательной чуткости к происходящему. Похоже, упомянутая «растительная слепота» столь устойчива (равно, как и наша способность к удержанию внимания в фоновом режиме), потому что она освобождает нас от необходимости чуткого включения в неосвоенные среды и принятия ответственности за это близкое взаимодействие – рискованное и непривычное. Ответственно и включенно взаимодействовать с растительными средами означает допускать частичную или полную невозможность их кодирования и картирования с помощью существующих культурных языков. Кажется, это одна из причин, по которым понятия обязательства и ответственности, в том числе перед нечеловеческими агентами и средами, играют важную роль в ряде современных философских концепций (в частности у Карен Барад¹¹).

Режим «растительной слепоты», похоже, не только обусловлен эволюционно, но и сопряжен с экономией зрительного

10 MARDER M. *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York: Columbia University Press, 2013. P. 24.

11 Размышляя об этико-онто-эпистемологической проблематике в материалистической перспективе, Барад концептуализирует операции различения в человеческих и нечеловеческих, органических и неорганических сцеплениях, подчеркивая, что этика различения «состоит не в том, чтобы выбрать правильный ответ, а в ответственности (*responsibility and accountability*) в живых взаимоотношениях» (BARAD K. *Invertebrate Visions: Diffractions of the Brittlestar. Multispecies Salon*. Durham: Duke University Press, 2014. P. 234).

восприятия (или экономией энергии и предсказания). Разумеется, характер зрительного восприятия в природном ландшафте отличается от восприятия в ландшафте городском: в первом случае «время фиксации взгляда сокращается», поскольку он скользит среди вещей так, будто мы «беззаботно смещаем внимание с одного предмета на другой, не задерживаясь на мелких деталях, как это обычно происходит в городской среде»¹². В этих рассуждениях Колин Эллард опирается на исследования психологов Стивена и Рэйчел Каплан¹³, которые полагают, что, в отличие от нашего повседневного «городского» внимания и видения, которые требуют постоянных усилий по концентрации и настройке, в неантропогенных средах внимание «становится произвольным и легко переключаемым», благодаря чему и возникает эффект «перезагрузки». Кажется, здесь мы рискуем прийти к бинарной схеме пассивного и активного внимания, однако хотелось бы избежать такого соблазна. Режим скользящего, не пристального внимания вовсе не обязательно должен быть сопряжен с пассивностью и расслабленностью и тоже может обладать мерой деятельной и чуткой ответственности. Каким могло бы быть это ответственное внимание? Стивен и Рэйчел Каплан вводят понятие «слабой очарованности» (*soft fascination*), и, развивая этот мотив слабости и мягкости, здесь я хочу описать режим чуткого и ответственного восприятия растительных сред в терминах *слабого внимания*. Внимание такого рода не определяется пристальным и последовательным всматриванием; оно открыто для свободного схватывания (и для бытия схваченным), способно к разворачиванию в разных направлениях и к продолжительному самоподдержанию.

Погрузившись в среду в режиме слабого внимания, мы слышим лесной шум: лес – это не только растения, но и следы живых существ, меняющие окружающее пространство. Эта «зашумленная» среда сопротивляется точному переводу (поскольку перевод выводит нас в другой режим – сконцентрированного всматривания, и лес рискует потерять свою внутреннюю дистанцию и вновь стать либо «плоским» и невидимым, либо, напротив, чересчур зримым, разделенным на дискретные элементы). Перевод в знаковую систему культурных языков предполагает определенный уровень абстрагирования, определенное расстояние между говорящим и пространством, в котором и о котором он говорит, а выход из леса влечет за собой утрату внимания и смещает лес в область фона. Поэтому

12 Эллард К. *Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие*. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 150.

13 См.: KAPLAN R., KAPLAN S. *The Experience of Nature: A Psychological Perspective*. New York: Cambridge University Press, 1989.

авторы художественных проектов, связанных с растительной проблематикой, зачастую работают с мотивом следа: обращая внимание на растительные следы или на растения как свидетелей следов чего-то иного, дабы сохранять временную и пространственную дистанцию и возможность активации слабого внимания. Характерный пример – недавняя выставка, организованная по итогам работы лаборатории «Vauhaus Lab» в музее Баухауса. Работая с гербарием 1930-х, собранным в лесах той же местности, где расположен сам Баухаус, участники выставки задались вопросами о том, может ли гербарий служить свидетелем индустриального загрязнения среды, которое оказывало формообразующее влияние на этот регион начиная с XIX века (учитывая, что и сам Баухаус не остался в стороне от этих процессов), а также о том, что могла бы представлять собой забота о постиндустриальных ландшафтах и о тех, что мы безвозвратно утратили? Другой пример куда более пронзителен: речь о совместном проекте Майкла Мардера и Анаис Тондер под названием «Чернобыльский гербарий». В этом альбоме наряду с текстами представлены фотографии – отпечатки, оставленные на чувствительной фотобумаге радиоактивными растениями, которые были выращены в зоне отчуждения. Эти эстетически притягательные изображения, не несущие в себе никакого – скрытого или явного – дополнительного кода, кроме физического следа катастрофы, пробуждают наше слабое внимание и в то же время порождают все новые и новые смыслы (безусловно, в 2016-м, то есть в год создания проекта, эти смыслы отличались от тех, что неумолимо возникают перед нами сегодня, в марте 2022 года). В предисловии авторы пишут:

«Как и всегда, [здесь] растения станут нашими проводниками, вновь соединяя нас с (безнадёжно загрязненной) почвой, возвращая значение останкам и следам и помогая нам представить себе такое свидетельство, которое уважает абсолютное молчание. Образы, мысли и опыты, нашедшие место в этой книге, колеблются в серой зоне между единичным и замкнутым в себе, с одной стороны, и общеприменимым и универсальным, с другой»¹⁴.

Эти размышления обращают нас к широкой семиотической проблеме неразличимости знака и материи, для исследования и работы с которой сегодня ищутся концептуальные языки в разных областях знания и художественной практики.

Но ведь лес не только полон следов, но и динамичен, и эту динамику мы можем наблюдать только изнутри лесного пространства. Погрузившись в него и отказавшись от присталь-

14 MARDER M., TONDEUR A. *The Chernobyl Herbarium: Fragments of an Exploded Consciousness*. London: Open Humanities Press, 2016. P. 11.

ного всматривания, мы сталкиваемся с непрямойностью действительности, которая не очевидна в открытом, обозримом или упорядоченном пространстве. В своих лекциях Владимир Бибахин описывал это как выход из метрического пространства, который становится возможным благодаря лесу:

«Кажется, видение леса иначе, чем хозяйственно и эстетически, не требует подготовки, хотя *заслонено* тем “привычным” и бывает редко. [...] Похоже, что то объяснение этого, что в лесу плохая видимость и не видны привычные ориентиры, все-таки уже рационализация того опыта, который в разной форме есть, наверное, у многих, что лес выводит из метрического пространства, то есть присутствие деревьев, нахождение среди деревьев, как это говорится, внушает, или навевает, или усыпляет, лексика тут может быть разная, но она и должна быть такая из-за странности опыта, который именно не дается описанию»¹⁵.

В приведенной цитате можно увидеть неявное указание на то, что ощущение «непривычности» соприсутствия с лесом, нечто «внушающим» или «навевающим», вызывает не только сама недешифруемая его сплетенность, но и особым образом настроенное внимание. Это ощущение непривычности стирается, когда размышление о растениях возникает в специально созданных или размеченных средах городских проспектов и выставочных пространств. Ведь здесь существенно, что, распознавая нечто как специфическую среду или систему (скажем, биологическую или экологическую), мы тем самым уже размечаем ее с помощью того или иного языкового кода. Кодирование неизбежно сопутствует производству смысла (не только в сознательном восприятии и коммуникации, но даже на межклеточном уровне биохимических взаимодействий¹⁶). Но удерживание его в неполном режиме может создать условия для слабого внимания. Таким образом, мы подходим к идее внимательного поддержания баланса между слабостью и скольжением и чутким видением, запускающим процесс означивания и дешифровки, но удерживающим его в слабой позиции.

Возможно ли создание зон и сред, приглашающих к слабому, но ответственному вниманию? Или слабое внимание активно участвует в производстве таких сред, внезапно заявляя о себе в располагающем к тому пространстве? Коль скоро из осмысленного таким образом леса нельзя выйти без того, чтобы перестать его понимать, тогда создание леса как произведения искусства или как технического проекта едва ли возможно, ведь

15 Бибахин В. В. *Лес (hyle)*. СПб.: Наука, 2011. С. 21.

16 Подробнее см., например: HOFFMEYER J. *Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary* // SEBEOK T. A., UMIKER-SEBEOK J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 101–123.

такой акт по необходимости подразумевает дистанцию. Участие в создании «диких», искаженных, «лесных» сред в таком случае должно представлять собой не перевод понятий, идей или образов на тот или иной язык культуры, а скорее перевод неотделимых от жизненной материи отношений, управляемый слабым вниманием, то есть перевод заведомо неточный. «Дикое» здесь указывает на неосвоенность и непривычность не только в растительных, но и в культурных средах: на стихийно возникающие, неконвенциональные художественные (или околохудожественные) практики. Избегая институционализации, а также дискурсов, принятых в сфере современного искусства, и оставаясь в поле искусства «любительского», такие практики могут порождать разнообразие эстетических объектов или сред (например пространственные композиции или конструкции, создаваемые художниками-самоучками в собственных дворах или просто под открытым небом; среди знаменитых построек и сред такого рода – «Идеальный дворец» Фердинанда Шеваля). Попытки их интерпретации в большинстве случаев затруднены как в искусствоведческой перспективе, так и с позиции простого зрителя, что указывает на способность этих сред к сдерживанию культурного кодирования и, как следствие, удерживанию неразмеченных пространств. Условия эстетического восприятия этих «диких» арт-сред можно было бы, как и в случае с растительной средой, усмотреть в слабом внимании. Интересный взгляд на появление арт-сред предлагает самарский художник-самоучка Александр Емельянов – живописец и создатель любительского музея. В комментариях к собственным работам он формулирует «закон» возникновения художественных сред следующим образом:

«На социальной территории, где обнаружена сформированная непрофессиональная арт-среда, в округе должно быть как минимум два или более мелких “художественных” объекта, которые обычно не попадают в поле исследования из-за их “мелкости” (незначительности)»¹⁷.

Его идею можно интерпретировать, развернув ее в отношении процессов восприятия: для выявления «дикой» художественной среды наше слабое внимание должно обратить на себя два–три незначительных (едва размеченных) искажения. Почти незаметные, но ощутимые импульсы приглашают к вниманию и тем самым позволяют обнаружить целую среду, малозаметную и неясную, но доступную для взгляда и участия (а может быть, и творческого расширения). Хотя сегодня креативность и создание сред (например в рамках урбанистических

17 Емельянов А.В. *Закон 1+2 для НАС (народных арт-сред)* // Syg.ma. 2018. 12 мая (<https://syg.ma/@alieksandr-iemielianov/zakon-1-plus-2-dlia-nas-narodnykh-art-sried>).

проектов) зачастую воспринимается как привилегия «креативного класса» и курируется в специально созданных творческих пространствах, вернакулярное, любительское, «дикое» в культуре и искусстве способно преобразовывать повседневность, «выявляя и высвечивая обыденное как зону утверждения, сопротивления, аффекта и потенциальности»¹⁸.

Лес не только полон следов, но и динамичен, и эту динамику мы можем наблюдать только изнутри лесного пространства. Погрузившись в него и отказавшись от пристального всматривания, мы сталкиваемся с непрямолинейностью действительности, которая не очевидна в открытом, обозримом или упорядоченном пространстве.

Практики обживания и наблюдения *изнутри* (в большей степени, чем разметки и кодирования) «диких» сред таят в себе политический заряд. Мягкость слабого внимания создает условия для заботы – ответственной вовлеченности, избегающей насильственного перевода, кодирования и декодирования. Забота направлена на сопричастие в ситуациях неясности и абсурдности, невозможности абстрагироваться – в ситуациях, где затруднены целенаправленное действие и возможность объективного взгляда. «Лесные» среды могут оставаться свернутыми, избегая целенаправленности и выпрямления, а забота, скрытая в этих складках, поддерживает наши силы в скомканные, безнадежные времена.

18 EDENSOR T., LESLIE D., MILLINGTON S., RANTISI N.M. *Introduction: Rethinking Creativity: Critiquing the Creative Class Thesis* // IDEM (Eds.). *Spaces of Vernacular Creativity: Rethinking the Cultural Economy*. New York: Routledge, 2010. P. 10.